

АЛЕКСЕЙ
МАКЕЕВ

СПОРИМ, ЧТО ТЫ

УМРЕШЬ?

Алексей Викторович Макеев

Спорим, что ты умрешь?

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6997837

Спорим, что ты умрешь? / Алексей Макеев: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-71881-8

Аннотация

Частный детектив Максимов получает анонимное предложение бесплатно отдохнуть в загородном пансионате. В предназначенной ему комнате Максимов находит записку. Анонимный автор предупреждает, что в пансионате скоро начнутся убийства. Выясняется, что дверь гаража заблокирована, на улице сильный мороз, мобильная связь нарушена. И, как было предсказано, начинают исчезать люди. Один из гостей признается сыщику, что заключил с неизвестным человеком жуткое пари, имеющее непосредственное отношение к происходящему...

Алексей Макеев

Спорим, что ты умрешь?

©Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Будущее не наступит, пока я о нем не позабочусь.
Г. Гаррисон*

25 января, вторник.

Город задыхался в клешнях смога. Безветрие чудовищное. Третью неделю погода глумилась над людьми. Солнце безуспешно пыталось пробить сиреневую дымку, расплзаясь по земле каким-то сумеречным мерцанием. На загруженных городских улицах нечем было дышать. Черный снег на

обочинах, хлюпающая проезжая часть, нескончаемый поток транспорта, ползущий от моста и обратно. Температура не желала опускаться ниже пяти мороза (от последнего – одно название), на солнце переваливала за ноль, и с досадой вспоминались слова остролова о том, как этой зимой весна удалась, ну, просто на славу...

Сыщик брел по утонувшему в грязи городу, размышляя о судьбе великих открытий. Два часа назад он открыл, что на каждые десять успешно завершённых дел найдется одно, способное испортить настроение. Случаются еще погрешности в минус. И не проходит ощущение, что ты постоянно находишься под контролем невидимого наблюдателя. Оно усиливается с количеством пройденного расстояния.

Город жил обычной жизнью. Скупщики золота и валюты толклись у перехода к Оперному. Влюбленные дышали промышленной гарью. Группа тренированных ребят задумчиво массировала затылки по поводу застрявшего в сугробе джипа. Навстречу топали два оборотня в погонах. Физиономии каменные, надменные, не улыбочивые – здесь не Филиппины, где тамошняя президент раздавала блюстителям порядка вставные челюсти с наказом в обязательном порядке носить и чаще улыбаться.

Максимов машинально сместился к обочине. Отвернулся, прикуривая сигарету.

– Молодой человек, приобретите цветочки, – предложила из расписного киоска смышленная мордашка. – Да, это вам,

не озирайтесь, кому же еще... Посмотрите, какие славные розочки. Жене подарите... или другой женщине. Знаете, как обрадуется. Очень помогает стимулировать чувство. А если, скажем, неумолимо надвигается памятная дата...

– Да некому, – улыбнувшись, развел руками Максимов. – Разве что вам. А памятные даты и чувства, дорогая девушка, придуманы продавцами цветов. Это не я выдумал, а одна великая актриса.

– Да знаю я, – отмахнулась девушка, – Катрин Денев. Она погорячилась, и в годах уже мадам, а вы и рады.

Оба засмеялись. Первый отвлекающий момент от дурного дня. Максимов перебежал дорогу, лавируя между средствами передвижения. Банкомат напротив мэрии – можно навестить. Но кто-то, по всей видимости, уже навестил. У отделения «Академбанка» толпились люди – явно не очередь. Гражданин в солидной пропитке размахивал руками, выражая возмущение. Капитан полиции с папочкой участливо выслушивал пострадавшего. Зеваки с удовольствием внимали. Участились в последнее время случаи отъема электронных денег. Открытый грабеж уже не в моде, тоньше аферист стал. «Насадка», например – фальшивая клавиатура на банкомат. Сканирование – подключаются к кабелю банковского устройства и считывают информацию (а устройство можно купить или сделать самому по схемам из Интернета). «Глазок» – мини-камера недалеко от банкомата. Неожиданная фишка – «Свой среди чужих» – установить в людном

месте... собственный банкомат. Дороговато, но надежно – всю информацию с карточки считает, ни копейки не выдаст (для людей привычно). Или, скажем, «Конверт» – вставляется пластиковый прямоугольник размером чуть больше карточки. Клиент сует свою «кормилицу» – не работает. Обратное банкомат не выдает. Вытянуть – не получается. «Случайный прохожий» доверительно сообщает, что с ним такое тоже бывало, надо просто ввести ПИН и два раза нажать отмену. Владелец карточки выполняет рекомендации – результат отрицательный – и убегает ругаться с банком. Аферист пинцетом извлекает кредитку вместе с конвертом и, не скрывая удовольствия, уходит, код уже известен...

Вся страна помешалась на воровстве. Крадут буквально все. На шахте в Кузбассе налетчики связали сторожей и сперли транспортную ленту (кому понадобилась?). В Читинской области четверо мужиков отрезали стволы у танков, вкопанных на китайской границе (неподвижные огневые точки еще с 70-х годов), собрались сдать в металлолом, да попались пограничникам. У самого Максимова на днях едва не свистнули мобильник. Забрел на барахолку – в царствие чингизидов и кавказоидов – и как-то озадаченно притормозил у стенда: «Швейцарские ножи из лазерной стали с хирургической заточкой». Понятно, что слепили в Китае из упаковочной жести, но хоть бы думали головой, что пишут! Сталь у них «лазерная». И заточка – «хирургическая» (не наоборот ли?). Пока он предавался размышлениям о вреднос-

ной недалекости отдельных торгашей, где-то в стороне записаликал... его мобильник! Спутать невозможно – «Крейцера соната» не самая ходовая для входящих звонков! Да еще на барахолке. Он вскинул голову – прыщавый отрок вальсировал бочком и тарашился на Максимова с первозданным ужасом. Прыти сыщику не занимать. Ох и врезал он умельцу! В милицию, правда, обращаться не стал – пожалел на первый случай. Да и объясняться бы пришлось, зачем поставил пацану целых два фингала и свернул прыщавый нос. А звонила ему в эту судьбоносную минуту родная дочь – поинтересоваться, не потерял ли еще папочка свой новенький, много денег стоящий телефон?

Спешить в этот день было некуда. Работа с блеском завершена. Состояние паршивое – он не мог избавиться от ощущения, что кто-то его фиксирует. Почему? Как прикажете понимать? В здоровом теле – здоровый «жук»? Прилюдно раздеться и стряхнуть с одежды все, что налипло? А толку? Техника шагнула далеко вперед, любая хлебная крошка, «упавшая» за воротник, может оказаться удивительным сюрпризом.

Он сел на лавочку, предварительно очистив ее от примет слякотной зимы, и погрузился в раздумья. Не было причин предполагать ошибку. Следствие проведено блестяще, сомнений нет, преступник разоблачен. Откуда же это глупое чувство, что им все время манипулировали? На даче директора спорткомплекса «Сибиряк» в тренажерном зале убили

депутата. С очень странной фамилией Скворода (как выяснило следствие, первоначальная фамилия депутата была Гей-Скворода, но депутат решил от приставки избавиться, чтобы не пугать народ). Подкрались сзади, когда он качал голяшки на сложном тренажере, и свернули шею. Мода в городе такая. Предыдущего депутата нашли в сауне, позапрошлого – на лестничной площадке. Были еще двое в лифте, двое в собственном авто (стояли на красный, киллер в шапочке пробежал). Был еще заядлый дачник – вышел с утреча на крыльцо, потянулся... и свалился от меткого попадания. Конвейер не стоит. Опасное ремесло – быть народным избранником. Но если прежних депутатов расстреливали в упор, то с этим разобрались как-то бескровно. «По-христиански», – объяснил эрудированный Олежка Лохматов. И прочел коллегам забавную лекцию, что издревле христианство запрещает кровавое убийство. Благородных господ всегда стремились отравить, удавить, свернуть им шеи, но крови не проливать. И не только христиане этим жили. Замшелые язычники, например – монголы, благородной смертью считали перелом хребта (по ощущениям – лучше бы зарезали). В Таиланде в XVIII веке король Таксин, победитель бирманцев, поднявший страну из праха, вдруг сошел с ума. Его засунули в бархатный мешок и забили насмерть дубинками из ароматного сандалового дерева – не торопись, чтобы ни капли крови, Будда против...

На даче директора спорткомплекса развлекались влия-

тельные господа. Такие лица, что вот-вот треснут. При появлении трупа разбежались, как блохи с тонущей крысы. Полиция активно взялась за дело. На третий день в агентство «Профиль» пришел трясущийся от страха директор спорт-комплекса Букашин и попросил оградить от происков правоохранительных органов. Дескать, полиция подозревает его в убийстве и морально уже готова бросить Букашина в кутузку. А он последний раз впадал в грех убийства пятнадцать лет назад, когда по хмельной случайности подстрелил убегающего оленя в якутской тундре.

По протекции майора Шевелева агентство «Профиль» допустили к высокому мертвому телу. Вернули фигурантов с откормленными лицами. Буквально по минутам были восстановлены события рокового дня. Убедительно доказали – хоть Букашин и находился в момент убийства в соседнем помещении, а именно в душевой, но не мог оттуда выйти, не отметившись на пленке видеокамеры, висящей в коридоре (элементарная вещь, работники полиции ее в упор проигнорировали). Посредством перекрестных допросов были подтверждены алиби прочих фигурантов. Прочные, как завоевания демократии. А что мы говорили? – возликовала полиция. А из обслуживающего персонала в этот момент никого на даче не было. Почти. Так что подвиньтесь, господин сыщик, возвращайте Букашина на исходную, и мы его посадим. А заодно видеокамеру отремонтируем. Позвольте, подумал Максимов, а что мы знаем про шофера Сковороды?

Скромный парень, и в самый интересный момент находился на аллее у черного хода, копаясь в моторе черного «бумера». О том, что Скворода пойдет в тренажерку, знал от самого Сквороды. Тихий час, фигуранты наверху – спят, пьют, гоняют пульку. Узкий коридор с черного хода, поворот, а чтобы не попасть в поле зрения видеокамеры, достаточно пригнуться. Почему полиция не обработала эту версию?

Тихий разговор с подозреваемым, параллельный осмотр коридора, и одновременно Лохматов с Екатериной отправляются в командировку. Поняв, что с него уже не слезут, шофер Петя не стал разводить антимионии, расколосился и даже всплакнул. Убийство не политическое, с какой стати совершать Пете политическое убийство? Жена у Пети уж больно красивая. О чем и не преминул в один прекрасный день поведать человек и депутат, по праву избавившийся от зловредной приставки. Мужчина видный, женщина – чудо как хороша. Как в фильме: вы – привлекательная, я – чертовски привлекательный, зачем же время терять? А шофер Петя, обнаруживший, что у него зацвели и заколосились рога, затаил злобу. Ждал удобного случая. дождался – возомнив себя большим специалистом по части вендетты. Рассчитал момент и убил. А депутат даже воскликнуть не успел: «На кого же ты, скотина, рога поднял?!»

На зазубренных выступлениях стенда за головой убиенного обнаружили ворсинки с перчаток шофера. В багажнике – монтировку, при помощи которой он сворачивал депутату

шею. Самое интересное, что в огромном мегаполисе имелось немало людей в деловых и политических кругах, согласных заплатить за работу Пети приличные деньги. Но Петя все проделал бесплатно, чем и остался несказанно горд. Когда его увозили в тюрьму, по губам Пети блуждала глумливая улыбочка.

Но кто манипулировал расследованием, если результат последнего – исключительно плод коллективной мысли?

Незаметно сгустились сумерки. У соседнего дома, где недавно открылся молодежный клуб «Белый бегемот», тусовалось подрастающее поколение. «Ночь танцующих Татьян», – извещала афиша. – «Для Татьян и их парней – вход бесплатно!» Сегодня же Татьянин день! – вспомнил сыщик. Но какое он имеет отношение к студенческому празднику? Вышел из того возраста. Он брел к родному дому и не думал сворачивать. Состояние ухудшалось – такое ощущение, будто через голову пролетел артиллерийский снаряд.

– Прогуляемся, молодой человек? – отделилась от кучки укуренной молодежи бледноватая особа. И сама укуренная – иначе разглядела бы, что владелец дорогой куртки устал, не юн и в гробу видал молодежные развлечения.

– В подъезд или в клуб? – на всякий случай уточнил Максимов.

– В клуб, – хихикнула особа, тупо разглядывая смутный объект желаний. – Меня зовут Татьяна, а вы пойдете бес-

платно.

«Денег срубить хочет, – догадался Максимов. – А может, воплотить галлюцинации в конкретные образы».

– А больше не с кем? – удивился он. – У вас ведь так много здесь единомышленников.

– Отстойные они, – вздохнула дама. – Ну, ладно, не хотите – как хотите. Не буду докучать.

Не понравилась особе его угрюмая физиономия. Сколько на земле этих горемык – разочарованных, непристроенных, впавших в депрессию... Жалел он начинающих покойников, искренне убежденных, что они всего лишь развлекаются. Качество продукта, привезенного из-за бугра, постоянно падает. В Афганистане содержание героина в пакете – сто процентов. До России добирается десятипроцентная смесь. Лет тридцать назад азиаты разбавляли героин виноградным сахаром, теперь – в России – в ход идет все, вплоть до крысиного яда. Наркоманы, получив дозу, бодрят, чтобы продать. Отсюда обилие трупов из-за передозировки. Относительно чистый героин – смерть. Разбавленный всякой дрянью – смерть. А если подумать, где они добывают денег, чтобы долбануться...

Он невольно ускорил шаг. Наивная малолетка в доме, растет практически без родителя. Как избавиться от тлетворного влияния улицы?

Но сегодня повезло – ребенок пребывал дома и от глыбищи ума вырезал из бархатной бумаги сердечки ко дню смеш-

ного Валентина. Не рановато ли? Ужин на плите чисто символический. К «Унесенным ветром», гарантирующим возвышение мысли, даже не прикоснулась («Не хочу я читать про дистрофиков, папа...»). На диване – какая-то портняжная мастерская. Сама не знает, что хочет изваять.

– Неприятные новости, папа, – подняла Маринка голову. – Гидрометцентр обещает в последующие дни жуткое похолодание. До минус тридцати пяти и ниже. Мне кажется, давно пора.

– А в чем тогда неприятности? – пробормотал Максимов, плюхнулся на диван и с наслаждением вытянул затекшие ноги. Слабость потекла по организму. Он закрыл глаза.

Остаток вечера протекал до обидного глупо. Он протряс и прощупал одежду на предмет внезапных «крошек». Откисал в ванне, гонял чай. Не приходя в сознание, просмотрел программу «Время», понял, что в стране все прекрасно, а нормальные новости, как и много лет назад, скоро будем узнавать из опровержений. Поплелся играть в компьютер. До одиннадцати вечера гонял по буеракам вооруженных человечков, литрами выплескивая адреналин и кладя народ штабелями. Прекрасное подтверждение, что выигрывает тот, кто придумывает правила. «В детство впал», – снисходительно прокомментировала Маринка. «Не впал, а вернулся», – уточнил сыщик.

Укладываясь спать, он точно знал, что будет утром. Завтрак съест сам, утреннюю зарядку отдаст врагу, «Меган» лег-

ко заведется. На работе чай, криминальные новости из телевизора, подначки коллег по поводу того, что понедельник начинается с похмелья (дай бог, что не с мокрухи), воскресенье – хорошо, понедельник – плохо... Ему и в голову уже не приходило, что завтра – среда.

26 января, среда.

Офис агентства «Профиль».

Как всегда, вошел, окинул царственным взором. Никто и не подумал принять почтительную позу. А зачем после вчерашнего триумфа? Можно расслабиться. Вернер, ухмыляясь, переключил программу. Канал «Культура». Заумный диспут о роли и ненужности интеллигенции в деле построения общества свирепствующей демократии.

– Спасибо за досрочную получку, Костик, – ласково улыбнулась Екатерина. – И за премиальные, в некотором роде, спасибо. Ты никогда не думал о том, чтобы поднять наше жалованье? В агентстве «Анфас», которое у нас за углом, рядовые сотрудники получают в полтора раза больше.

Это была гнусная ложь, на которую он даже не стал распыляться. Во-первых, не в полтора, а в один и три – он специально выяснял. Во-вторых, агентство «Анфас» не гнушается сомнительными делами – берется за них весьма и весьма охотно. А агентство «Профиль» за сомнительные дела берется НЕОХОТНО. И лишь по мере финансовой необходимости.

А в-третьих, он самонадеянно считал, что, даже если совсем лишит сотрудников зарплаты, от него никто не уйдет. Будут плакать, но работать.

– Холод лютей к нам грядет... – изобразил чревовещателя Олежка Лохматов. – Как вы думаете, Константин Андреевич, могут синоптики так цинично нас обманывать? Тридцать пять днем, сорок пять ночью. Да это полюс холода какой-то! Оймякон, блин! А я уже дубленку спрятал...

– Сбудется, Олежка... – не отрываясь от телевизора, бросил Вернер. – Любая гадость, если о ней заговорили, обязательно сбудется... А мне вот интересно, друзья, почему интеллигенцию называют вшивой?

– А хрен ее знает, – пожал плечами Максимов. – Не может, наверное.

– Странно, – озадачился Вернер. – А мы с вами интеллигенты?

– Я-то – да, – буркнул Максимов. – А вот ты – не смеши народ.

– Ты не моешься? – под дружный гогот сотрудников удивился Вернер.

К часу дня на счету агентства образовалась обещанная сумма. Ну что ж, господин Букашин выступил не столь уж презренным ничтожеством. Беспокойство, вызванное неизвестными науке причинами, постепенно утихло.

Клиентов в этот день практически не было (кто бы расстроился). Ничто не препятствовало по завершении рабоче-

го дня распечатать бутылочку и с чувством ее усидеть.

27 января, четверг.

Глобальное похолодание где-то задерживалось. Батареи жарили нещадно. Екатерина с раннего утра припала к форточке, обмахиваясь ценными документами, а Максимов размышлял о том, что сто лет назад женщин брали на работу за длину рук (телефонистками), теперь – за длину ног, но никакой гарантии, что еще через сто лет начнут принимать за длину извилин. Не отрастят.

Позже всех, напевая под нос: «Лечился от словесного поноса в Швейцарии народный депутат», притопал похмельный Вернер. Растекся по стулу и объявил, что превыше всего его организм данным утром нуждается в обогащенном уране. Как выяснилось, он спустил в кабаке с тематическим названием «После полуночи» половину гонорара, хотя и выпил-то всего лишь один коктейль – «Белое безмолвие»: двести пятьдесят водки плюс... двести пятьдесят водки. Ну, от силы два коктейля. Чтобы белая болезнь поменьше донимала.

– Горячка? – обрадовался Лохматов.

– Подагра, – задрал нос Вернер. – Благородное аристократическое приобретение.

Денежный клиент в этот день опять не шел. Екатерина не отходила от форточки и на каждое предложение попить чаю крутила пальцем у виска. Олежка Лохматов доламывал

операционную систему. Вернер мучился похмельем, искренне недоумевая, почему бы им всем не пойти домой. Отыскал в холодильнике банку из-под оливок, выдул остатки жижи и авторитетно заявил, что из всех рассолов важнейшим для нас является огуречный. К одиннадцати часам, ведомый неясным беспокойством, Максимов перезвонил в банк и попросил уточнить сумму, лежащую на счету агентства. Доброжелательная девушка-оператор незамедлительно поведала, что на счет поступила дополнительная сумма. Координаты отправителя неизвестны. Максимов насторожился (дополнительных поступлений быть не должно) и попросил озвучить цифру. Прослушав ответ, побледнел, потерял дар речи и медленно опустил трубку. Взгляд его блуждал.

– Надеюсь, наш счет не аннулирован, – забеспокоился

Вернер.

Максимов бессознательно покачал головой.

– Но что-то, мамой клянусь, произошло, – пытливо всмотрелась ему в глаза Екатерина.

– Одно из двух, – беспечно предложил Олежка. – Либо наш счет почему-то сплющило, либо неприлично раздуло. Посмотрите, какое у Константина Андреевича зеленое лицо.

– Но то, что он не рад, – это факт, – закончила разминку Екатерина, после чего в офисе воцарилась густая тишина.

Разорвал ее очередной телефонный звонок.

– Добрый день, Константин Андреевич, – произнес серьезный мужской голос. – Мы уже в курсе, что вы осведом-

лены о поступлении на счет. Это ваши деньги. Не аванс, не залог. Они честно отработаны, не стоит волноваться. Блестящее расследование. Надеемся, это не последняя ваша удача. – Подумав, абонент добавил: – Мы получили истинное наслаждение, наблюдая за ходом расследования.

– Минутку, – нахмурился Максимов. – Мы не выполняли ничей заказ, помимо договора с господином Букашиным, за который он уже рассчитался. Арестован убийца, с невиновного сняты обвинения. В чем дело, уважаемый?

Абонент усмехнулся.

– Никто не ставит под сомнение ваши способности, детектив. Могу вас успокоить, правоохранительными органами с вашей подачи арестован настоящий убийца. – Абонент повесил трубку. Абсолютно незнакомый голос.

Максимов хмуро обозрел сотрудников. На него смотрели с неподдельным благоговением, как на льва, собравшегося зарычать.

– Не хочу вас лишний раз радовать, коллеги, – сказал он неохотно, – но каждому из вас, похоже, причитается дополнительная премия в размере тысячи... – Он поморщился, замылся, подыскивая правильное слово, и с тяжелым вздохом закончил: – Долларов...

К семнадцати ноль-ноль в кабинете остался он один. Остальные избавлялись от премии. Екатерина вспомнила, что у нее скоро (через два месяца) день рождения, по поводу чего она уже присмотрела в ГУМе простенькое колеч-

ко с бриллиантом. Вернер процитировал великую Мэрилин Монро (убежденную, что бриллианты – лучшие друзья девушек). Олежка Лохматов предложил охранные услуги, после чего все с интересом уставились на начальство, и начальству осталось лишь махнуть рукой.

В 17:22 секретаршей Любашей в распоряжение частного агентства был впущен потеющий плешивый толстячок с белыми глазками и сбивчивой речью. Директор спорткомплекса «Сибиряк» господин Букашин.

– Странно, – удивился Максимов, – а я считал, Иван Христович, что все наши вопросы мы, к обоюдной радости, разрешили, нет?

– Конечно, Константин Андреевич... – залебезил, слезливо улыбаясь, толстячок. – Не волнуйтесь, все прекрасно... Вы оказали мне неоценимую услугу, Константин Андреевич. Я понимаю, что вознаграждение было достойное, но это плата, а хотелось бы сделать вам подарок... Как вы отнесетесь к путевке на выходные в пансионат «Отрадное»?

– А вы имеете к нему отношение? – не понял Максимов.

– И даже непосредственное, – подбоченился Букашин. – Администратор пансионата – мой давнишний приятель. Олег Фомич Ордынцев. Не пожалеете, Константин Андреевич, это натуральный горный курорт. Ну, не родина, разумеется, вальсов и калифорнийского губернатора, но очень даже прилично. Сервис первоклассный, людей немного, природа красивая. Электричество, тепло, водопровод из подзем-

ной речушки... Полный эксклюзив. Вы же любите кататься на лыжах? Пансион ваш полностью оплачен, за исключением разве что проезда... Но у вас же есть машина? Не откажите, Константин Андреевич, будет очень приятно. И вам, и мне.

Необычное, надо признаться, предложение. С какой, позвольте, стати? И кто сказал, что Максимов охотник покататься на лыжах? В первую и решительную очередь он охотник поваляться на диване! А в лыжном спорте разочаровался с тех пор, как однажды лыжи от него подло убежали и он ломал лыжню под вопли негодующих физкультурников, чтобы догнать свое имущество...

– Вы согласны, Константин Андреевич? – подобострастно прогибался Букашин. – В пансионате прекрасные условия для проживания, отличный бар, а если вам не по душе активный отдых, можно отдохнуть пассивно, не думая ни о чем, в том числе о вашей такой изматывающей работе...

Он привык с осторожностью относиться к любым «бесплатным» подношениям. Кто-то хочет выманить его из города? Прикончить? Похитить? А в городе это сделать нельзя? Максимов ни от кого не скрывается, живет открытой жизнью...

Он глубоко задумался. Рекламу этого роскошного «камерного» пансионата можно видеть по телевизору. Капиталоемкое, судя по всему, развлечение. Приличное шале со всеми удобствами. Сорок километров от города, вдали от крупных поселений, покой, уединение, отличные горные

трассы на гребнях Тогучанского кряжа. А главное, до понедельника ни одна сволочь не достанет...

Он изобразил ладошкой какую-то рваную синусоиду.

– Ну, допустим, Иван Христофорович, я подумаю.

– Подумайте, Константин Андреевич, непременно подумайте, – воодушевился директор спорткомплекса. – Приезжайте в любое время: можете в пятницу, можете в субботу... Даже не знаю, что еще могу для вас сделать...

Неприятный субъект укатился колом, а Максимов задумчиво созерцал закрытую дверь. Интересное предложение.

– И он еще думает, – презрительно фыркнула из приемной Любочка. – А нечего тут думать, Константин Андреевич. Быстро руки в ноги, ноги в лыжи – и развлекаться! Уж переживем без вас одну пятницу. Можете и понедельник прихватить.

– А я гадаю, почему он такой загадочный! – воскликнул Вернер, когда вся компания к завершению рабочего дня почтила начальника присутствием. Екатерина, которой не досталось бриллиантов (расхватили), плотоядно сверкала глазками.

– Молчи, Екатерина, – рявкнул Максимов. – Я вижу тебя насквозь.

– Ты много теряешь, если видишь меня насквозь, – съехидничала Екатерина.

– А мы? – обиделся Олежка Лохматов. – Мы тоже любим

отдыхать и кататься на лыжах.

– А на нас рассчитано не было, – отрубил Вернер. – Только Константин Андреевич как самый достойный представитель агентства. Других нет. Совесть нации, гордость участкового.

– Интеллигент, – добавила Екатерина.

– А, в сущности, не так уж плохо, – сообразил Вернер. – Подумаешь, сибирский Куршевель. Хоть завтрашний день проведем как белые люди. Есть повод произвести подъем-переворот стакана, коллеги.

– Конечно, – фыркнула Екатерина. – Спокойно обойдемся без него. Подумаешь, цаца какая. Давай, Константин Андреевич, дуй. Каждый модный пацан должен отметить на горном курорте – иначе он не модный пацан.

– Ура, товарищи, – сообразил Олежка.

– И не забудь, что на ближайшие дни синоптики обещают лютый холод, – напомнил Вернер. – Не больно-то уютно будет на лыжне.

– А что ему холод, – фыркнула Екатерина. – Отлично знаю этого нехорошего человека. Ему лыжи – что микробам пенициллин. А в доме тепло. Лишний повод проявить интерес к окружающей половой действительности.

А ведь и в самом деле – о грядущих сибирских морозах Максимов как-то запомнил.

Дома он встретил полное и безоговорочное понимание. Маринка произнесла речь.

– Надо пользоваться, пока дают, папа, – рассудительно сказала Маринка. – Никого не слушай, поезжай прямо с утра. Окупись в забвение, расслабься, выброси мусор из головы – он того не стоит. Ведь даже МЕНЯ задолбала твоя жизнь, а каково тебе, бедненькому? Но не забывай, папа, что у тебя семья, пусть даже и ущербная, поэтому не пропадай навечно.

Дочернее напутствие перетянуло чашу весов. Последние сомнения отпали. Он отключил телефоны, проспал до одиннадцати, встал, почесался и поехал.

Погода в пятницу отлично способствовала активному отдыху. Похолодало, но незначительно. Минус десять, яркое солнце. Снег блестел, как новогодняя мишура. Машина резво бежала по выскобленной дороге. Проблемы начались после того, как он свернул с очищенной трассы и погрузился в беспорядочно разбросанные холмы Восточного плато. Дорога сузилась, потянулись бесконечные перепады по вертикали. Голые вершины, равномерно засыпанные снегом, чередовались лесистыми воронками и оврагами. Попуток и встречных машин уменьшилось на порядок. И вовсе не стало, когда на смутном горизонте обрисовались отроги Тогучанского кряжа, а дорога в очередной раз отпочковалась от основной.

Прогноз погоды, прослушанный на волне одной из FM-станций, подтверждал опасения. Грядущая ночь пройдет спокойно, днем похолодание, но самое интересное начнется завтра ночью, когда антициклон с севера врежет нам по пер-

вое число, напомнив, что понятие «сибирские морозы» никто пока не отменял.

– Тяжелый случай, друзья мои, – прокомментировал развязный ведущий. – Боже, как мы все истосковались по радикальным мини-юбкам. Представьте себе – весна, подснежники, робко пробиваются из-под юбок первые коленки... М-да. А впрочем, стоит ли волноваться? Синоптикам свойственно ошибаться. Оденемся же теплее и будем надеяться на лучшее. А пока встречайте: Владимир Пресняков – «Черное море»!

Максимов ехал по живописным предгорьям. Неиспорченная людьми природа открывалась, как пугающая бездна. Крутые зубастые скалы, исполосованные разводами минералов, сосновые перелески. Отчетливые, тщательно прорисованные линии встречи неба и земли. И снова холмы – со стекающими по откосам кустарниками, заваленные снегом низины. Солнце миновало пришибленный зимний «зенит», ринулось на запад и погрузило восточные склоны холмов в мерцающую тень.

Пансионат «Отрадное» он разглядел километра за три. Величавое строение на вершине холма, между двумя практически симметричными утесами. По мере приближения обрисовывались дополнительные строения, змейка лыжни, плавно огибающая утесы, компактный фуникулер, застрявший в нижней части холма. Дорога выделяла «восьмерки», а здание – то приближалось, то отъезжало. Издали по-

хожий на гриб чагу, пансионат становился домиком замысловатой формы. Сложен из просмоленных бревен хитроумным узором, два высоких этажа, в отдельных местах – три, резные ставенки, островерхие башенки в мавританском стиле. Странная фигура в качестве венца – не дымник, не флигель, а просто голова шахматной лошади без функционального и эстетического смысла. Забавное сплетение лубочных мотивов, готики и всего того, что пришло на ум архитектору.

Хозяйственные постройки, стилизованные под теремки, сиротливо примыкали к дому. Русская банька с трубой, котельная. Шеренга съезжившихся кустиков, украшенная шапками спрессованного снега. Между кустиками какая-то разнополая парочка не самого спортивного вида протаптывала лыжню.

Максимов медленно въехал на территорию. Обогнул щелястую беседку, к которой в высоком снегу была протоптана тропинка, похожая на траншею, проручил мимо указателя, доходчиво объясняющего, куда ехать, и почти поравнялся со странной парочкой. Женщина обернулась, потеряла равновесие, лыжа проскользнула – она ойкнула, выкатилась на дорогу и упала. Пришлось остановиться.

Неуклюже приковылял мужчина с добродушной физиономией. Не снимая лыж, начал поднимать даму. Спутница смеялась. Путаясь в лыжах, палках, кое-как взгромоздились на ноги, помахали ему приветливо. Забавный коллаж из спортивного инвентаря и живых тел. Максимов вышел из машины.

– Спасибо, что не задавили, – кокетливо улыбнулась женщина.

– Да не за что, – ответно улыбнулся Максимов. – Кстати, если вам трудно отойти с дороги, а вам, я вижу, трудно, не стоит волноваться – я объеду.

– Ну что вы, – засмеялся мужчина. – Мы не можем тут стоять до холодов... – Неуклюжим движением он вытянул лыжу из-под спутницы, выпутал вторую ногу, расстегнул крепления, обретая свободу, затем то же самое проделал с женщиной.

– Уму непостижимо, – покачала головой спутница. – Мы с тобой такие неуклюжие, Игорек. Представь – вот я бы послушала тебя и пошла на горную лыжню... Тебе не жалко эти горы?

Симпатичная приветливая пара. Обоим лет по сорок восемь, не худенькие, смешливые. Всю жизнь просуществовали бок о бок – и гримасы у них одинаковые, и жесты, и даже улыбаются как-то синхронно.

– Душенин, – сняв перчатку, протянул руку мужчина, – Игорь Николаевич. А это супруга драгоценная – Зоя Андреевна.

– Максимов, – представился сыщик, – Константин. За неимением супруги отдыхаю самостоятельно. А вы давно тут?

– Да что вы, – прыснула женщина. – Два часа как прибыли. С утра пришлось на работу заехать, утрясти кое-какие

процедурные вопросы...

– МНЕ – заехать, – уточнил Душенин. И поспешил отрекомендоваться: – Тржусь в коммерческом банке «Агросиб», заведую отделом кредитования – в некотором роде специалист по сравнительно честному отъему денег у населения, – очередная белозубая улыбка украсила лицо «лыжника». – А Зюенька работает в архиве мэрии – не работа, а сплошное хобби. Вот если бы не ее проклятая аллергия на пыль...

– Решили вспомнить, что такое лыжи, – пояснила женщина. – Пройтись, так сказать, для начала по ровному. Да память, к сожалению, отказывает...

– Мы бы сюда ни за какие коврижки не поехали, – проворчал Душенин. – Но коллеги по случаю юбилея нашей свадьбы сделали подарок – путевку в «Отрадное». Придется мучиться.

– А вы, Константин, очевидно, коммерсант, – сделала предположение женщина. – Не входите в первую двадчатку олигархов, но в принципе довольны.

– Да я и в сотую двадчатку не вхожу, – засмеялся Максимов. – Вы удивительно проницательны, Зоя Андреевна.

Распрощавшись с супругами, он сделал сложный поворот вокруг пансионата (руководствуясь указателями) и съехал по наклонному пандусу в гараж, расположенный глубоко под домом. Массивные ворота на гидравлических стяжках гостеприимно разверзнуты (внутри работали мощные калориферы, и вряд ли помещение могло остыть). Простор-

ный бетонный блок с мраморной лестницей, уводящей в черво пансионата. Максимов явно прибыл в числе последних. Гараж уставлен машинами. Неплохо смотрелись ультрамодный «Ниссан Х-Trail», увешанный хромированными решетками, серебристый «Мерседес» интеллектуального Е-класса, небесно-синяя «Астра» с витиевато параболическими подфарниками. «Меган», достойно воспринимавшийся в прошлом году, в компании этого спесивого семейства смотрелся как-то бледновато.

Он нашел свободный закуток под лестницей, стыдливо припрятал туда машину. Забрал сумку. А подходя к лестнице, стал свидетелем занятой сценки. В гараж вкатил белоснежно белый «Порше», лихо затормозил, едва не ткнувшись в передок «мерсу». Сидящий за рулем жгучий полноватый брюнет яростно ссорился с миниатюрной блондинкой. Оба махали руками.

– Да пошел ты! – кричала блондинка. – Достали меня твои приколы, идиот, блин!..

– А меня твои психи! – огрызался брюнет. – Какого хрена я вообще сюда с тобой приперся, Анжела?! Ведь сразу было ясно – испорченные выходные!

– Ах, так?! – завизжала блондинка, выскакивая из машины. – А ну открой багажник, сволочь!

Ее глаза сверкали бешенством. Брюнет лениво выбрался из машины и, фыркая во все стороны, приоткрыл багажник. Блондинка, проявляя недюжинную силу, вытащила тяжелен-

ную сумку, грохнула спутнику под ноги.

– Все! Оставайся! А я уезжаю! К маме!!! Видеть тебя не могу, скотина!

Пока брюнет наливался яростью, дама прыгнула на водительское место, врубила заднюю передачу и пулей вылетела из гаража. Взвизгнули шины на очищенном от снега пандусе.

Брюнет, не приходя в бешенство, сплюнул. И как-то сразу обмяк. Озадаченно почесал затылок, осмотрелся. Обнаружив Максимова, растерянно развел руками:

– И как вам это нравится?

Лично Максимова эта сценка очень понравилась. Он сочувственно улыбнулся.

– Да ладно, – махнул рукой брюнет, берясь за тяжелый гуж. – Значит, будем пьянствовать... – взвалил на плечо сумку с личными вещами и потащился к лестнице. Проходя мимо сыщика, машинально сунул руку: – Каратаев, будем знакомы...

Каморка администратора располагалась в глубине извилистого коридора. Но для тех, кто поднимался из гаража, она была практически первым открытием в доме. Табличка на дубовой, окантованной нарядной планкой двери так и сообщала: «Администратор». Максимов вошел.

Подтянутый субъект в строгом костюме и водолазке отпрянул от пухленькой милашки, облаченной в чепчик и кружевной фартук. Мгновение назад он пытался разлапистой

пятерней обнять девицу пониже спины. Нормальная демонстрация приятельского расположения.

Субъект нахмурился. Милашка скакнула, как испуганная серна.

– Я, пожалуй, не вовремя, – посмотрел на потолок Максимов. Потолок был такой же, как и стены, – добротнo заделан фигурной планкой. Помпезный стол с позолоченными накладками, уютный угловой диванчик, компьютер с плоским монитором.

– Отчего же? – не согласился подтянутый субъект. – Ксения, вы можете идти, – он изобразил тыльной стороной ладони небрежную отмашку. – И попрошу вас быть прилежнее в работе. В этом доме постоянно пропадает туалетная бумага! Не мне же ходить по ванным комнатам и пополнять запасы!

– Хорошо, Олег Фомич, – девчушка покрылась какой-то поросычье-розовой пастелью, робко глянула на посетителя и бочком протиснулась в коридор.

– Ордынцев, – протянул руку администратор. – С этой ленивой челядью абсолютно нет сладу. А вы, простите?..

– Максимов.

– Точно, – шелкнул пальцами администратор. – Был такой, вчера звонили. Двадцать третий номер, если не возражаете. Второй этаж. Я вызову дворецкого, он проводит. Номер подготовлен. Счастливого отдыха... – Ордынцев заглянул в солидного вида журнал. – Константин Андреевич. На-

деюсь, претензий к качеству предлагаемых услуг у вас не будет.

– А вот насчет... – начал Максимов.

– Да, разумеется, все включено, – благожелательно среагировал работник. – Лыжное хозяйство на любой вкус и цвет – в соседней комнате. Специальные очки, солнцезащитный крем, гигиеническая помада. Там не заперто. Потребуется инструктор – милости просим: ваш покорный слуга в любое удобное для вас время – но лучше с десяти до часа и с четырнадцати до шестнадцати. Не смущайтесь, я бывший мастер спорта по горным лыжам. На первом этаже найдете бар с прекрасным выбором напитков. Рядом – столовая. Прием пищи в любое удобное для вас время – но лучше в 9:00, 14:00 и 19:00.

«Коротко и ясно, – недоверчиво подумал Максимов. – Но мы еще посмотрим, что за сервис уготовили нам тут на халяву».

Прошла кухарка – пышная коротконогая особа с физиономией внезапно побелевшей негритянки. Она толкала за собой тележку, груженную полуфабрикатами. Пришлось прижаться к стене. Максимов поздоровался. Кухарка буркнула под нос, а тележка отдавила сыщику ногу. Осталось лишь надеяться, что у этой невоспитанной особы непревзойденные кулинарные таланты (а зачем такую держать?).

Приплюснутый, изрядно тормозящий дворецкий с мучнистым лицом и мыльными глазами сопровождал Максимова

к номеру. Вероятно, этот тип в глухом смокинге был немой. Сделал невербальный знак следовать за ним и всю дорогу не проронил ни слова.

Номер находился в средней части затейливого винтового коридора. На стенах – изогнутые вычурные светильники, облицовка – деревянная. Как и номер, куда молчун доставил постояльца: полностью выполнен «под дерево». Максимов прикусил язык: интерьер приветливый. Он мало смыслил в роскоши, гедонистом не являлся, и представление о комфорте в его понимании отнюдь не совпадало с представлением о роскоши (а скорее противоречило). Кубатура апартаментов – две его квартиры. Пол устлан паркетом и коврами с двухдюймовым ворсом. Растительные орнаменты на стенах. Шторы затейливыми каскадами. Романтичная железная кровать ручнойковки напротив полированного трельяжа. Телевизор 72-й диагонали. Диванчик с веселым геометрическим рисунком обивки, снабжен валиками и подушками. Благородная магнитола под телевизором.

– Располагайтесь, уважаемый, – бесцветно вымолвил дворецкий.

Максимов вздрогнул. Глухонемые мы, однако...

Дворецкий равнодушно взирал на него водянистыми глазами. Плоское лицо с приплюснутым носом, редкие волосы зачесаны назад и залиты лаком. Неплохая «стилизация под старину».

– Моя фамилия Шульц, уважаемый. Просто Шульц. Если

вам потребуется прислуга, кнопка вызова – над кроватью. Доброго вечера.

Дворецкий символически поклонился и растаял. Славный персонаж.

Шкафчик для одежды напоминал купе в мягком вагоне. Избавившись от теплой одежды, Максимов испытал на податливость диван, счел его непозволительно мягким и прямо в ботинках рухнул на кровать, снабженную ортопедическим панцирем. Пару минут напряженно вслушивался. Тишина царила, как на кладбище. Не бывает такой тишины. У него отлично развит слуховой аппарат. Фиксирует отдаленные звуки. Но в этом доме идеальная звукоизоляция. Настороженность постепенно проходила. Он решил насладиться покоем. Вытянул ноги, сладко потянулся. Собрался подбить подушку, привстал, сунул под нее ладони, чтобы придать желаемую форму, и нащупал между подушкой и покрывалом плотную бумагу. Вытянув, обнаружил, что имеет дело с белоснежным конвертом. Внутри лежал сложенный лист формата А4. Набранный на компьютере текст:

«Вы готовы распутать серию жестоких, циничных преступлений? Успехов вам, сыщик», – и приписка через отступ: «Не надо, Константин Андреевич, покидать пансионат раньше времени – в противном случае преступления начнутся немедленно».

Автограф автора, конечно, не стоял.

Он подозревал, что события последних дней (включая, как ни странно, убийство депутата) – иезуитски спланированная акция. С ним играют. Насколько искренен был в своей признательности директор Букашин, приглашая его в «Отрадное»?

Да не был он искренен! Это ежу понятно. Максимов выпрыгнул из кровати, сунул конверт в боковой карман и забегал по апартаментам. Дайте же ему таблетку от бешенства! В чем смысл игры? Он чуял неладное, однако не отказался приехать в этот горем убитый пансионат. Какая разница? Не достанут здесь, достанут в другом месте. Лучше уж сразу... Но в чем ошибка! Убийство депутата – не инсценировка с целью заманить в мутные воды Максимова! Полный бред! Сквороду убил шофер, в здравом уме и трезвой памяти, мстя за интимные отношения с женой (а до жены добраться не успел). Не могли подтолкнуть водителя, подсказать, как лучше повернуть дело и в котором часу Скворода в гордом одиночестве окажется в спортзале.

Но воспользоваться ситуацией в принципе могли. Имея извращенный ум. А главное – ВОЗМОЖНОСТЬ...

Настроение резко портилось. Он закрыл апартаменты на ключ и спустился к администратору. В коридоре никого не было. Он опять вошел без стука, вернее, со стуком, но между стуком и открыванием двери пуля бы не проскочила. Горничная Ксюша отпрыгнула, как испуганная серна. Верхняя пуговка на форменном платьишке гостеприимно рас-

стегнута. Сомнительно, чтобы администратор при открытых дверях собирался довести любовь до победного конца. Так, невинное проявление дружеских чувств.

– О господи, – взмолился Максимов.

– М-да, – почесал Ордынцев оттопыренное ухо. – Повторение, как говорится, мать заикания. – Подумал и повторил: – М-да...

– Я н-не нужна вам больше, Олег Фомич? – горя малиновым огнем, спросила горничная.

– Спасибо, Ксения, вы можете идти, – вздохнул Ордынцев. – У вас ко мне неотложное дело, Константин Андреевич?

– А я мог бы зайти просто так? – удивился Максимов.

Горничная выскользнула, низко опустив голову. Пуговку застегнуть забыла.

Ордынцев прочитал предложенное его вниманию анонимное письмо. Ничего не понял. Перечитал. Поднял удивленные глаза.

– Я работаю частным детективом, – сухо отрекомендовался Максимов. – А вот это удивительное послание обнаружил под подушкой.

– И что это значит? – Ордынцев как-то ненароком отодвинулся.

– Не волнуйтесь, я нормальный, – зловеще процедил Максимов. – Просто тараканы у меня такие.

– Какие... тараканы? – не понял администратор.

– Ладно, вас замкнуло, понимаю. – Максимов придержал рвущееся бешенство. – Я имею основания полагать, что для кого-то в этом доме скоро начнутся неприятности. В том числе для вас.

– Но это глупая шутка... – проямлил Ордынцев. Он снова вырвал у Максимова листок, перечитал в третий раз. Текст не изменился. – Да какие, прости господи, преступления?

– Понимаю, – поморщился Максимов. – Ваш пансионат имеет репутацию благородного, солидного заведения, им владеют респектабельные люди, которые никогда не позволят произойти недостойным вещам на священной территории. Гарантия тому – тот факт, что никогда в «Отрадном» ничего подобного не происходило. Именно это вы и хотели сказать?

– Да не было у нас никаких преступлений! – возмутился Ордынцев и осекся.

– Правильно, – кивнул Максимов. – Теперь будут. Вы знаете, Олег Фомич, у вас действительно очень тихо и располагает к отдыху. Но еще Омар Хайям предупреждал: «Все, что мы видим, – лишь видимость одна». Вы прячете руки, Олег Фомич? У вас экзема на нервной почве?

– Да ну вас в баню... – не сдержался администратор. Он, похоже, и впрямь испугался. Максимов предпочел не заметить хамства.

– Вы знали, что меня поселят в этот номер?

– Да... конечно.

– Когда вы об этом узнали?

– Вчера... Позвонило ответственное лицо из вышестоящей организации... Пойдите... – Ордынцев покрылся пунцовыми пятнами. – Какого черта! Этот номер я сам вам определил! У нас всего два незанятых номера. Двадцать третий и четырнадцатый...

– Номера запираются?

– Не знаю... Не думаю... Ключи выдаются тем, кто уже въехал... Знаете, Константин Андреевич, у наших постояльцев не имеется дурной привычки шляться по пустым номерам. А если кто и заглянет по ошибке... Что в этом страшного?

– Вы начали про ответственное лицо из вышестоящей организации.

– Это Букашин Иван Христофорович, директор...

– Не продолжайте, – поморщился Максимов. – Кстати, Олег Фомич, в пансионате имеется охрана? Местечко-то нелюдимое. Я понимаю, что вам не страшен серый волк, но все-таки?

– Охранников двое, – пробормотал Ордынцев. – Охранное бюро «Колчан»... Гм. Правда, у одного какие-то неприятности со здоровьем, другого вызвали в офис... Наша охрана чисто номинальная, Константин Андреевич, им никогда не приходилось применять свои навыки. Руководство тем не менее божилось, что обязательно пришлет замену.

– Когда?

– Н-не знаю. Очевидно, сегодня. Или завтра.

– Какая прелесть. И почему я в это не верю? – пожал плечами Максимов. – Ладно. У меня огромная просьба, Олег Фомич, – постарайтесь забыть о нашем разговоре. А в случае обнаружения вашего покорного слуги за нехарактерным занятием – не поднимать шума. Договорились?

В коридоре мелькнула широкая мужская спина. Похожая на спину господина Каратаева. Стоило моргнуть – и человек пропал. Максимов воровато посмотрел по сторонам и толкнул коленом дверь четырнадцатого номера.

Дверь открылась.

Внутри все было как в любезно предоставленных ему апартаментах. Небольшие различия в расположении предметов мягкой мебели, ковер другого цвета, шторы не в горошек, а в полоску – а в целом обстановка тождественная. Он быстро прошел к кровати, приподнял подушку. Послания не было.

Приподнял вторую. И там не было. Добежал до дивана – тоже пусто. Успели вытащить дубликат?

Или не было дубликата?

Он высунул нос из номера. Никого. Вышел, притворил дверь, припустил по коридору...

На втором этаже снова мелькнула чья-то спина. Как будто другая, потоньше. Человек вошел в расположенный в конце

коридора номер и дважды повернул собачку.

Максимов вошел к себе.

Вменяемые люди в подобных ситуациях звонят в полицию. На то и органы, чтобы сообщать им о всяческих надвигающихся неприятностях. Письмо не запрещало. Он так и сделал. Проверил наличие сети в сотовом телефоне, набрал 02 и мягко сформулировал проблему. Планируется убийство. Не могли бы вы приехать? «Не могли бы, – сурово объяснили в трубке. – Пансионат «Отрадное» расположен вне пределов городской черты. Юрисдикция Сельского РОВД. Звоните в ПГТ Сельское, и они, может быть, пришлют вам кого-нибудь».

Это «может быть» не могло не умилять. Дежурный смилостивился, продиктовал телефон местного РОВД, куда немедленно и перезвонил Максимов. Формулировка требовалась туманная, но вместе с тем решительная. Он представился, сообщил, что готовится преступление, и тонко намекнул, что серийное убийство на территории района вряд ли улучшит отчетные показатели отделения. «Хорошо, к вам приедут», – сообщили из далекого города Сельское.

Насколько он ориентировался в этих горных вздутостях, до Сельского было не меньше, чем до областного центра. Километров сорок. Неразрешимая задачка: из пункта А в пункт Б по скользкой дороге выехала полицейская машина...

В ожидании представителей законности он лег смотреть телевизор. Никогда не переваривал сериалы (от одних голо-

сов убегал), а сегодня просмотрел целую серию, и ни разу не стошнило. Зачем аноним написал записку? (Тему глупой шутки и нелюбви к собственной голове временно опустим.) Он сразу настраивает на грядущие неприятности. Куда уж проще – жизнь идет своим чередом, кого-то убивают, полиция пасует, а частный сыщик, по причине своего чудесного пребывания рядом с местом преступления, начинает расследование. Куда он денется? Зачем объявлять заранее? Он может разогнать толпу, прибывшую на отдых.

А может ли? Поверит ли толпа? Впрочем, если кого-то убьют, толпа немедленно схлынет. Но тогда не получается «серия жестоких циничных убийств». Выходит, единственная версия – преступление на первый взгляд не выглядит преступлением, и масса отдыхающих не спешит паковать чемоданы.

Это как?

Досыта насмотревшись сериала, он встал к окну и отодвинул штору. Окна номера выходили на котельную и угольный склад, стилизованные под игрушечные домики. Со второго этажа было видно, как дворецкий Шульц в фуфайке, наброшенной поверх парадного фрака, долбит кайлом угольную горку у входа в котельную. Размеренные механические движения – ни усталости на плоской жабьей физиономии, ни брезгливости. Персонала не хватает? Дворецкий-кочегар, администратор-инструктор, горничная – резиновая кукла...

Он приехал отдыхать в очень своеобразное местечко.

Ожидание людей в погонах затягивалось. Нервы пошаливали. Максимов выбрался из номера и принялся выписывать круги по дому. Это здание погружало в какое-то странное гипнотическое состояние. Внутри (да и снаружи) оно имело запутанную конфигурацию. Коридоры вопреки простейшей архитектурной логике заплетались плавной геометрической фигурой. На первом этаже это был, пожалуй, эллипс, от которого в разные стороны убегали апартаменты. Несколько номеров, столовая, кладовая, кабинет администратора. Что находилось внутри эллипса, непонятно. Имелись две изогнутые лестницы на второй этаж. Наверху эллипс расширялся, что становилось совсем уж загадочным, и, по итогам всестороннего осмотра, превращался в круг, стремящийся, как ни странно... к квадрату.

А еще имелась кухня, у которой сходились все дороги. Облицованная терракотовой плиткой, уставленная печами, шкафами, приспособлениями для забора гари, она располагалась в восточном крыле, примерно между этажами, и имела относительно прямоугольную форму, если не замечать обширное углубление, предназначенное для холодильной аппаратуры. Двустворчатая дверь была распахнута.

Он трижды проследовал мимо кухни, потягивая носом. На плите в гигантском сотейнике что-то ароматно шкворчало. Попыхивала кастрюля. Энергично орудовала тесаком толстая кухарка Люсьен. Покосилась на Максимова, промол-

чала. А когда он еще два раза прошел мимо, даже не удостоила поворота головы.

На первом этаже он наткнулся на горничную Ксюшу. Девушка выходила из четырнадцатого номера, прижимая к груди свернутое покрывало.

– Ой, – сказала горничная.

«А что она там делала?» – подумал Максимов, уступая дорогу.

– Минуточку, Ксения, – сказал он строгим голосом. – Извиняюсь за нескромный вопрос, но что вы делали в четырнадцатом номере?

– А вам-то что? – пробормотала Ксюша.

– Но в нем, насколько знаю, никто не живет?

– А покрывало пыльное, – девчушка опустила глаза и нацелилась в узкую щелку между сыщиком и стеной.

– И что? – он машинально выставил коленку. Горничная пихнулась в преграду и подняла зеленые глаза. «М-да уж, – подумал сыщик. – Тяжела жизнь подростка».

– Трясти пойду, – в голосе девушки появились дерзкие нотки. – Или вы сами хотите потрясти? Забирайте, пожалуйста.

– Вас понял, – Максимов отодвинул коленку. – Вы сегодня уже были в этом номере?

Девушка стрельнула по нему испуганными глазками и, проигнорировав вопрос, умчалась. Не монтируется пока изделие, похожее на каменный цветок.

В процессе ожидания полиции он познакомился еще с тремя постояльцами. Из комнаты на втором этаже вынесло игривого блондина в толстом шарфе поверх свитера.

– Ой, – сказал он почти как горничная, облизнув оральную зону. В комнате на всю громкость надрывался мальчиковый ансамбль хорового пения.

– Бывает, – согласился Максимов.

– А я думал, что это Борюсик... – кокетливо пробормотал блондин, хлопая кукольными ресничками.

– Могу заменить? – учтиво справился Максимов, чем поверг игривого постояльца в замешательство. Молодой человек принялся рассматривать сыщика с какой-то мучительной задумчивостью. «В общем-то, не можете, – говорил его слащавый взор, – поскольку ожидаю я другого, но вот в иной ситуации и в другое время...»

Излишне говорить, что подтянутый и хорошо одетый сыщик постояльцу понравился.

– Давайте знакомиться, – сказал Максимов, называя свою фамилию.

– Снежков, – с придыханием сообщил юноша. – Илья. Можно Илюша...

– Отлично, Илюша, надеюсь, мы продолжим знакомство, – подавляя хохот, Максимов изобразил зубами что-то кусающее и отправился дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.